

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.20>

Товсултанова Джамиля Салавдиевна, Хаджиева Лейла Лечевна

СВОЕОБРАЗИЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М. В. ИСАКОВСКОГО

В статье рассматриваются особенности художественно-документального осмысления и воспроизведения историко-политических реалий в мемуарно-автобиографической прозе классика песенной поэзии советского периода М. В. Исаковского. Ставится цель изучения его "автобиографических заметок" "На Ельнинской земле", основных форм и этапов профессионального и мировоззренческого "взросления" поэта. В работе фокусируется внимание на особенностях психологического портрета личности в переломную эпоху, делается вывод об актуальности и продуктивности автобиографической прозы М. Исаковского.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 300-303. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.0(470)

Дата поступления рукописи: 20.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.20>

В статье рассматриваются особенности художественно-документального осмысления и воспроизведения историко-политических реалий в мемуарно-автобиографической прозе классика песенной поэзии советского периода М. В. Исаковского. Ставится цель изучения его «автобиографических заметок» «На Ельнинской земле», основных форм и этапов профессионального и мировоззренческого «взросления» поэта. В работе фокусируется внимание на особенностях психологического портрета личности в переломную эпоху, делается вывод об актуальности и продуктивности автобиографической прозы М. Исаковского.

Ключевые слова и фразы: М. Исаковский; поэзия; проза; публицистика; мемуарно-автобиографическая проза.

Товсултанова Джамиля Салавдиевна, к. филол. н.

Хаджиева Лейла Лечевна, к. филол. н.

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный

djema-88@mail.ru; luna6677@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М. В. ИСАКОВСКОГО

В настоящее время, после столетия Октябрьской революции 1917 года, закономерно усилился интерес политиков, историков, деятелей других областей науки и искусства, а также читателей к выдающимся литературным произведениям, отражающим этот сложный и драматичный период отечественной истории в разнообразных, порой противоположных ракурсах. Таковы «Тихий Дон» М. Шолохова и «Белая гвардия» М. Булгакова, романы А. Н. Толстого, А. А. Фадеева, Н. А. Островского, проза А. М. Гайдара и «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Окаянные дни» И. А. Бунина [5]. Все они глубоко, взволнованно и талантливо, с разных точек зрения художественно исследуют данный период. Помимо названных, есть немало интересных книг об этой эпохе писателей так называемого «второго ряда», но по-своему значительных. К их числу можно отнести столь же разных и по социально-политической направленности, и по художественной индивидуальности прозаиков, как А. Серафимович, Б. Пильняк, А. Малышкин, И. Бабель, К. Г. Паустовский, М. М. Пришвин.

К этой теме будут обращаться отечественные авторы и на более поздних этапах. Так, например, мемуарно-автобиографическая книга М. Исаковского «На Ельнинской земле» создавалась в 1970-е годы. Напомним, что именно этот период последовал за широко отмечавшимся полувековым юбилеем Октябрьской революции. М. Исаковский был ровесником XX века, а также вполне зрелым по возрасту человеком уже во время 1917 года, предшествующих ему и последовавших за ним событий. Однако характерно, что на страницах этой книги М. Исаковского (заметим, кстати, члена ВКП(б) с 1918 года, а в дальнейшем – лауреата двух Сталинских премий первой степени (1943 и 1949), Героя Социалистического труда (1970)), мы практически не встретим признаков идеологической пропаганды, отзвуков политической «шумихи».

Уже сама поэзия М. Исаковского всегда отличалась в первую очередь человечностью, искренностью и непосредственностью чувства. Его стихи стали поистине народными в самом высоком смысле слова песнями, благодаря выдающимся отечественным композиторам XX века – В. Захарову, М. Блантеру, И. Дунаевскому, В. Соловьеву-Седому, Б. Мокроусову. Таковы принадлежащие М. Исаковскому тексты песен «Дан приказ: ему – на запад», «Враги сожгли родную хату», «Катюша». Непосредственные и тонкие стилизации, имитации фольклорной песни разных типов мы наблюдаем в таких текстах его песен, как «Крутится, вертится шар голубой...», «Лучше нету того цвету...», «Летят перелетные птицы...», «Ой, туманы мои...», «Ой, цветет калина», «Снова замерло все до рассвета». Его автобиографические произведения являются «прямым свидетельством повышенного интереса поэта к прозаической художественной деятельности» [7, с. 12]. Именно искренность и человечность – основные константы и его мемуарно-автобиографической книги «На Ельнинской земле», являющейся прямым отражением его личности и ее эволюции. Писатель никогда не шел на поводу у официальной политической линии, именно поэтому в его творчестве так ярко и индивидуально сочетаются национальное и общечеловеческое, но не сиюминутное. В мемуарной прозе М. Исаковского присутствует совсем не типичный «портрет времени» и портрет человека, увиденный глазами самобытного художника, человека, принципиально далекого от политической жизни, имеющего свою собственную, идущую во многом в разрез с официальной линией индивидуальную жизненную и творческую позицию, в которой, однако, нет ничего общего с разного рода диссидентскими тенденциями. В этом и состоит уникальность данного документально-художественного текста, особенно в контексте того, что он был создан и опубликован не тайком, не в эмигрантском или ином зарубежном издательстве, а в одном из центральных издательств Советского Союза, что характеризует достаточно толерантный характер так называемой советской «цензуры», отнюдь не столь рьяно, как в настоящее время пытаются многие показать, борющейся со «свободой слова».

Я. Хелемский вспоминает, что М. Исаковский с иронией признавался в том, как трудно дается ему автобиографическая проза: «Я прочел вторую часть верстки своего “Былого без дум...”. И надо сказать, что в этой оценке есть доля истины. “Автобиографические страницы” – это, в первую очередь, воспоминания, а не размышления, не столько “думы”, сколько “былое”» [Цит. по: 10, с. 282].

Книга состоит из авторского обращения «К читателям этой книги», сорока пяти глав, объединенных в три части, и примечаний. Некоторые главы оказываются вполне законченными и организованными эпическими формами малого объема: рассказом («Сашка», «Лунатики»), новеллой («За окошком плакала соната», «Зарубинское лето»), а иногда – и самостоятельной повестью, например, «В деревне Глотовке...».

Чаще же всего это жанры, стоящие на грани документалистики и публицистики: очерки, зарисовки, литературные портреты, репортажи, удельный вес которых возрастает во II и III частях. Таковы, к примеру, «Петр Шевченков», «О чем и как писалось в Ельнинской газете». В книгу включены также некоторые материалы ельнинской уездной газеты 1918-1920 гг.: фельетон, сводки с фронтов, газетный отчет. Помещен здесь и некролог, напечатанный в «Литературной газете» 19 августа 1969 года, – «Памяти М. И. Погодина».

Дополнительно в книгу введены, вероятно, почти дословно, устные рассказы, так называемые «случаи из жизни» отца, «человека молчаливого, но хранившего в памяти немало ценного из житейского опыта». Так, в небольшом – всего в девять страниц – фрагменте «Мой отец строит новую хату» в пяти его кратких эпизодах вместилось многое: и долгая эпопея постройки хаты малоимущей крестьянской семьей, и приезд автора в нее из города в 1936 году с А. Т. Твардовским – светлая и радостная встреча с родиной, с детством. И совершенно иной приезд – 22 июня 1941 года, когда М. Исаковский вместе с Н. Рыленковым застала там трагическая весть о начале войны, прощание со всем, олицетворением чего был этот крестьянский дом. И, наконец, приезд автора на родное пепелище в 1944 году, породивший к жизни скорбные, печальные строки, вызывающие прямые ассоциации с мелодикой Некрасовского стиха, мелодикой лучших стихов крестьянских поэтов, зачастую ставших лирическими песнями, классикой жанра:

*У этих сел, у этих речек,
На тихих стежках полевых
Друзей давнишних я не встречу
И не дождусь своих родных.
Какого ж здесь искать мне чуда,
Моя родная сторона!
Но я – твой сын, но я – отсюда
И здесь прошла моя весна [4, с. 19].*

Очевидно, что «природа во всех ее многообразных формах и проявлениях играет важнейшую роль в формировании как индивидуальной человеческой личности, так и народа в целом, его образа жизни и образа мышления, творческого, художественного потенциала, что и является всегда предметом писательского внимания и исследования» [8, с. 194].

Универсальную точку зрения на автобиографическую прозу в XX веке выразил В. Дильтей: «Автобиография – это высшая и наиболее инструктивная форма, в которой нам представлено понимание жизни. <...> Это осмысление человеком своего жизненного пути, получившее литературную форму выражения. Такого рода само осмысление в той или иной мере присуще каждому индивиду. <...> Только оно делает возможным историческое видение» [1, с. 140]. Автор и герой этих автобиографических заметок – человек, далекий от революционных бурь февраля и октября 1917 года, от политической борьбы, от катаклизмов, переживаемых в тот период в России и в мире, живущий в своем собственном мире и мало что ведающий обо всем происходящем в его сути и в его деталях, это своеобразный феномен, о котором автором рассказано непосредственно и просто, без каких-либо оговорок. Естественно, что подобный тип личности не был чем-то единичным и уникальным, и значимость мемуарного персонажа М. Исаковского – в его несомненной типичности, хотя, все же, и в некоей уникальности, обусловленной не слишком широкой распространенностью именно такого нравственно-психологического типа. По поводу одного из подобных не слишком значительных, но показательных в этом плане эпизодов, изложенных в его книге, автор искренне признается: «Рассказывать об этом даже сейчас не очень удобно, и, конечно, я мог бы промолчать, либо рассказать по-иному, выставив себя в совсем другом свете. Но это, по-моему, было бы еще хуже; нелепо задним числом делать из себя такого, каким я не был в те далекие годы, пусть лучше так, как было» [3, с. 49]. Эта принципиальная авторская установка на честность, откровенность и точность характерна для всей книги. Особенно наглядно и даже безжалостно она проявляет себя на всех страницах, посвященных поведению автобиографического героя-автора в эпоху революции и гражданской войны.

В связи с этим вспоминается оценка свойств личности автора книги, Михаила Исаковского, обращенная к нему в юбилейном послании А. Т. Твардовского: «Для меня была образцом твоя редкая для нашей братии, почти беспримерная, как бы врожденная правдивость... до невозможности солгать... даже в самом малом, в любом случае, не представляющем для иных ни малейшего затруднения. Исказить что-нибудь в своем рассказе, приукрасить хоть отчасти... для тебя дело немыслимое, даже если это было к твоей невыгоде» [9, с. 238]. Так, писатель не скрывает своей социальной незрелости и наивности, некоторой отрешенности от актуальных проблем тогдашнего времени. «В то время представление о революциях было у меня довольно смутным, во всяком случае, я не очень-то понимал, что революции бывают разные и не всякая революция есть благо для народа». Единственной целью революции, по тогдашнему убеждению М. Исаковского-юноши, было «свержение царя», источника всех бед и несчастий. «Поэтому понятно, что февральскую революцию я воспринял как ту долгожданную перемену в жизни народа, больше и значительнее которой, то тогдашним понятиям, не могло быть». Далее М. Исаковский так же откровенно и просто признается, что никто тогда не «подсказал» ему, что «это всего лишь революция буржуазно-демократическая, что бывают еще

революции пролетарские. Об этом я узнал гораздо позже» [3, с. 325]. Но в ту пору этот вступающий в полноценную гражданскую жизнь человек, безусловно, был далек от политики, но, тем не менее, он стал бывать на митингах, которые поначалу производили на него сильное впечатление полемическими речами, но со временем начинали все больше тяготить своей демагогией.

«Когда это было внове, то даже многие слова о свержении царя и свободе казались необыкновенно смелыми и интересными. А потом они постепенно стали надоедать своим однообразием и неопределенностью и уже не вызвали у слушателей никакого энтузиазма» [Там же, с. 327]. Постепенное созревание социального сознания происходило у М. Исаковского и его автобиографического персонажа уже в период двоевластия. Абстрактно-гуманистическим, несколько идеалистическим и наивно-образным выглядит и его восприятие и оценка слова «товарищ»: «Мне казалось, что это слово и всех людей-то сделало другими: они стали относиться друг к другу более внимательно, более участливо, дружелюбно» [Там же, с. 328].

Здесь следует заметить, что автор, повествуя о событиях значительной давности, находясь уже в весьма зрелой возрастной категории, почти не «отстраняется» от себя тогдашнего – мальчика, подростка, юноши, как будто и не было нескольких десятилетий исторического и жизненного опыта, умудривших писателя. Оценки и комментарии происходят тогда в книге очень мало, и этом отношении примечательны отрывок, посвященный первому редактору Ельнинской газеты. В. Г. Аверин, по профессии художник, служивший в Первую мировую войну прапорщиком, человек, пользовавшийся симпатией и искренней благодарностью М. Исаковского, начинавшего тогда работу в газете, «говорил о себе, что он беспартийный. Но у него (как наивно и неопределенно сообщает автор), несомненно, были какие-то свои политические взгляды» (Заметим, что так мыслить и рассуждать мог только 17-летний деревенский подросток, а отнюдь не 70-летний маститый советский писатель). «Об этих взглядах ничего определенного я сказать не могу. Может быть, он был в какой-то мере близок к эсерам, а может быть, и к меньшевикам. Не исключено и то, что симпатии Аверина были на стороне большевиков» [Там же, с. 355]. Это уникальное по своей близости заключение объясняется, на наш взгляд, тем, что сам М. Исаковский находился в некоем созданном им самим политическом и информационном вакууме. В то время как его духовное и творческое сознание было напитано и насыщено совершенно иными темами и образами, связанными с традиционной народной культурой, русской литературной классической традицией, довольно патриархальным мировоззрением... Далее писатель без тени смущения пытается дать этому собственное объяснение: «Я говорю об этом столь неопределенно потому, что сам в то время плохо разбирался, чего хотят, чего добиваются эсеры, какую цель преследуют меньшевики. О большевиках же у меня было совсем смутное представление... Вследствие такой плохой моей осведомленности относительно всевозможных партийных программ и течений я очень легко мог спутать одно с другим, но независимо ни от чего я считал Аверина самым настоящим революционером, которому бесконечно дороги интересы народа» [Там же].

М. Исаковскому в период написания автобиографической прозы было чуждо желание «подтянуть», осовременить своего героя, изобразить его более идеологически и практически зрелым. В то же время, находясь в некоей добровольной внутренней изоляции, он никогда не произносил, в отличие от других, более остро реагирующих на вызовы и конфликты времени, ничего, подобного есенинскому: «С того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий» [2, с. 27]. Это его свойство ярко проявилось в главе «За хлебом», в которой поведано, как автобиографический герой вдвоем с другом во время гражданской войны отправились на юг России – в Курск, затем в Новочеркасск, Ростов, с тем чтобы раздобыть ни много, ни мало – сто пудов (вагон хлеба) – для родной деревни. Эта «Одиссея», предпринятая со столь благородной и гуманной целью, носила характер утопии, была совершенно не обдуманной и, естественно, ничего не принесла, кроме мытарств для героя. Эта поездка по своей беспримерной «нереалистичности» и утопичности устремлений, полнейшему незнанию обстановки в стране напоминает скитания Мишки Додонова из книги А. Неверова «Ташкент – город хлебный» [6]. Однако герой М. Исаковского был старше Мишки Додонова и по возрасту, и по уровню образованности. И мотивы поездки за хлебом были иные – обеспечить питанием всю деревню. Но тем не менее, как сам отмечает в этой главе автор, его «представления о гражданской войне были поверхностными и наивными». Правда, в книге немало верных, точных примет времени, деталей гражданской войны, порой, однако, не самых существенных. Примером этого служит фрагмент главы «Возвращение домой»: «Говорили, что поезд этот должен отправиться в Москву еще неделю назад. Однако контрреволюционеры, только что захватившие тогда власть в городе, не выпустили его со станции... мне это как-то особенно запомнилось: поезд опаздывал на целую неделю. Я знал всякие опоздания: на пять часов, на двенадцать, на сутки, но ни разу не слышал о поезде, который опоздал бы на целую неделю...» [3, с. 467]. Безусловно, эта подробность говорит о многом. М. Исаковский, воспроизводя свое юношеское восприятие гражданской войны, наивное, абстрактное и в то же время острое, скорее даже детское, как бы опираясь на него, дает тем не менее глубоко реалистическую картину жизни.

Чем дальше, тем больше в автобиографической книге М. Исаковского рассказ «о себе» становится рассказом «о времени». Герой все активнее вступает в общественную жизнь. Он вступает в РКП(б), его назначают членом коллегии Ельнинской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Герой-автор вновь откровенно признается: «Я был, прямо скажем, удивлен, что мне предлагают такую боевую должность». Его смущала и собственная молодость, и плохое зрение. Ведь, по его представлениям, в ЧК человек должен был «видеть на три версты вперед и в переносном, и в буквальном смысле». А герою, действительно, недостава-ло зрения, главным образом – в переносном смысле. Уже служа в ЧК, М. Исаковский следующим образом

воспринимает и характеризует атрибуты революционного матроса: «...на боку у него болтались какие-то штучки, наверное, гранаты» [Там же, с. 492]. Но эта внешняя неосведомленность, оторванность от современной жизни, отсутствие прочной идеологической позиции не мешали будущему поэту верно, пусть и наивно, расставлять социальные акценты и в конце концов прийти к своему подлинному месту в тогдашней жизни.

В 19 лет М. Исаковский становится редактором Ельнинской уездной газеты и всецело отдается этому сложному делу, понимая его важность и ощущая свою предназначенность для этой цели. Работа в газете стала для героя и потребностью времени, и в некотором роде осуществлением мечты детства. Писатель не раз вспоминал, какое непостижимо завораживавшее впечатление производили на него в детстве печатные строки, как велико было их обаяние и авторитет. Когда-то – вскоре после овладения грамотой – ему очень захотелось «попасть в любое издательство, типографию, чтобы посмотреть, как и что там делается, как это вместо заметки, написанной от руки на листе бумаги, получается заметка печатная, расположенная то сверху страницы, то внизу, то в середине» [Там же, с. 354]. И отчасти, возможно, поэтому с таким восторгом герой принимает предложение стать редактором газеты. Впрочем, он в единственном числе выступал буквально во всех лицах в процессе ее создания. М. Исаковский чрезвычайно подробно и детально рассказывает обо всех технических особенностях своей новой, фактически первой в жизни, работы, обо всех практических трудностях, признаваясь, что «первый блин» получился у него комом. Газета вышла вовремя, но весь номер состоял из одних статей. Это было однообразно, скучно. И автор не находил себе места от горького сознания, что все получилось «так неумело, нелепо, скверно» [Там же].

Подобные признания свидетельствуют о все более зреющем в формирующемся человеке чувстве ответственности. Со временем работа стала все больше удаваться, приносить удовлетворение, и спустя пятьдесят лет писатель не без гордости заметит, что Ельнинская уездная газета «Путь бедняка» была положительно отмечена в бюллетене РОСТА. Работа в газете сослужила будущему поэту добрую службу, явилась хорошей школой идейно-публицистической закалки и опыта будущего большого поэта. Там он впервые почувствовал себя нужным людям. В нем крепнет, все более оформляется представление о писательском призвании, предназначении, зародившемся раньше, но до поры до времени неосознаваемом. Автобиографические страницы М. Исаковского «На Ельнинской земле» – точное свидетельство своей эпохи в ее повседневных проявлениях, а судьба ее героя – верный портрет человека на дороге истории, не потерявший своей актуальности и сегодня, спустя столетие после отображенных в этой книге исторических реалий.

Список источников

1. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 35-152.
2. Есенин С. А. Анна Снегина. Стихотворения: сборник. М.: Эксмо, 2015. 216 с.
3. Исаковский М. В. На Ельнинской земле. Автобиографические страницы // Исаковский М. В. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Художественная лит-ра, 1981. Т. 3. 568 с.
4. Исаковский М. В. Стихи и песни. М.: ГИХЛ, 1953. 200 с.
5. Максимов М. А. Романы о революции сквозь призму историософии («Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Тихий Дон» М. Шолохова) // Знание. Понимание. Умение. Серия «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество». 2010. № 3. С. 140-143.
6. Неверов А. С. Ташкент – город хлебный. М.: Речь, 2015. 144 с.
7. Новокрещенных Е. Г. Поэтика автобиографической прозы русских поэтов второй половины XIX в.: А. А. Григорьева, Я. П. Полонского, А. А. Фета: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2008. 23 с.
8. Степанова Т. М., Кандор С. Р. Философско-онтологические основы концепции природы в прозе С. Хан-Гирея // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. Вып. 2 (177). С. 194-199.
9. Твардовский А. Т. Поэзия Михаила Исаковского // Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная лит-ра, 1989. Т. 5. С. 211-259.
10. Хелемский Я. А. На темной ели звонкая свирель. М.: Детская литература, 1973. 286 с.

PECULIARITY OF REPRODUCTION OF HISTORICAL AND POLITICAL REALIA IN MEMOIR-AUTOBIOGRAPHICAL PROSE BY M. V. ISAKOVSKY

Tovsultanova Dzhamilya Salavdievna, Ph. D. in Philology
Khadzhieva Leila Lechevna, Ph. D. in Philology
Chechen State Pedagogical University, Grozny
djema-88@mail.ru; luna6677@mail.ru

The article examines the features of literary and documentary interpretation and reproduction of historical and political realia in memoir-autobiographical prose by M. V. Isakovsky, a classic of the Soviet-era song poetry. The aim is to study his “autobiographical notes” in “In the Land of Elnin”, the main forms and stages of professional and philosophical “maturation” of the poet. The work focuses on the features of the psychological portrait of a personality in the turning-point epoch. The conclusion is made about the topicality and productivity of M. Isakovsky’s autobiographical prose.

Key words and phrases: M. Isakovsky; poetry; prose; social and political essays; memoir-autobiographical prose.